

Головкина А. И.
г. Москва, Россия

Рубинчик О. Е.¹
г. Санкт-Петербург, Россия

«...ВСПОМНИТЕ... ВАШУ СОВРЕМЕННОЦУ...» АННА АХМАТОВА И НИКОЛАЙ ГУДЗИЙ

Исследование отвечает на вопрос, почему в поздравительной телеграмме Николаю Гудзию Анна Ахматова назвала себя его современницей. Что связывало этих двух людей, знакомых, судя по телеграмме, с киевских студенческих лет, но отнюдь не близко? Каким виделся Ахматовой Гудзий (1887 – 1965) – один из крупнейших специалистов по древнерусской, украинской и русской литературе XIX – XX вв.? Почему его называли «совестью советского литературоведения»? Каково было его отношение к творчеству и личности Ахматовой?

Помимо черновика ахматовской телеграммы Гудзию из архива поэта и переводчицы Марии Петровых, в статье впервые опубликован еще ряд документов.

Ключевые слова: Анна Ахматова, Николай Гудзий, Мария Петровых, Киев, поэзия, литературоведение, телеграмма, дарственная надпись.

В ахматовской части домашнего архива М. С. Петровых среди прочих материалов хранится черновая недатированная запись, сделанная рукой Марии Сергеевны:

*Москва улица Грановского 4
квартира 10 Гудзию*

*Дорогой Николай Калининвич
когда Вы получите эту телеграмму вспомните
наши студенческие годы Киев и Вашу современницу
Анну Ахматову*

Наброски телеграмм и писем, сделанные либо самой Ахматовой, либо под ее диктовку литератур-

ными секретарями Н. Н. Глен и А. Г. Найманом и другими близкими ей людьми, – не редкость в ахматовском наследии. Продиктованное письмо обрело свой окончательный вид в процессе того, как помощник печатал его на машинке, и визировалось ахматовской подписью-автографом, а телеграмма приобретала стандартный облик уже на почте.

К сожалению, в своем почтовом виде телеграмма Гудзию нам неизвестна². Можно предположить, что она была послана 3 мая 1962 г., к его 75-летию юбилею. В первой половине мая 1962 г. Ахматова жила у Петровых³, и Мария Сергеевна, естественно, помогала ей, чем могла. Они дружили с 1933 г.

¹ А. И. Головкина – публикатор телеграммы, ставшей причиной появления данной статьи, а также нескольких других приведенных в статье документов, переводчик с английского и итальянского языков, редактор, внучка и наследница М. С. Петровых, создательница домашнего «Московского музея Марии Петровых», частично представленного в Интернете: <https://vk.com/club139428597>. О. Е. Рубинчик – автор текста статьи.

За помощь в работе благодарим сотрудницу Рукописного отдела РНБ Н. И. Крайневу; А. Г. Наймана; сотрудников Отдела рукописей РГБ и лично И. Т. Пяттоеву; И. В. Овчинкину, автора публ.: «...Любовь моя сильнее моего дарования» (О наследии Веры Звягинцевой). Переписка В. К. Звягинцевой с Н. К. Гудзием (1926 – 1943) // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. М., 2004); С. Е. Матлину, зав. сектором архивов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, автора публ.: «Мой дорогой, дорогой друг!» Фронтовые письма Елизаветы Михайловны Семиградовой Николаю Калининвичу Гудзию (1944 – 1945) // Вопросы культурологии. 2009. № 6; К. М. Азадовского, автора публикации «Удастся ли прорубить эту стену...» (Из писем М. К. Азадовского к Н. К. Гудзию 1949 – 1950 гг.) / Публ. К. М. Азадовского // Русская литература. 2006. № 2.

² Телеграммы нет среди адресованных Гудзию корреспонденций, хранящихся в эпистолярной части его архива в Научной библиотеке МГУ, в этом фонде вообще нет ничего ахматовского (Отдел редких книг и рукописей НБ МГУ, ф. 7 (фонд Н. К. Гудзия), оп. 2 – 765 писем с 1912 по 1964 г., 165 единиц хранения). Сведения о фонде: Кашутина Е. С. Архив Н. К. Гудзия в Научной библиотеке Московского университета // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1987; Кашутина Е. С. Книжное собрание Н. К. Гудзия в фондах Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ // Из коллекций редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1981. Нет ахматовских материалов и в небольшом фонде Гудзия в РГАЛИ (ф. 2256). В Отделе рукописей РГБ, где находится большая часть архива Гудзия (ф. 731) и где хранится ряд адресованных ему писем, есть лишь один связанный с Ахматовой материал (см. о нем далее в статье).

В ахматовском эпистолярии, сохранившемся далеко не полностью, телеграмм очень много: на письма читателей Анна Андреевна обычно отвечала телеграммой; с людьми ближнего круга и с менее близкими, но значимыми для нее, в разлуке она поддерживала связь с помощью поздравительных телеграмм; конечно, были для телеграмм и другие поводы.

Телеграмма Гудзину относится, по-видимому, к числу поздравительных, хотя собственно поздравление в наброске отсутствует. Возможно, оно должно было появиться в окончательной версии текста.

Как бы то ни было, нужно отметить, что содержание этой телеграммы нетипично для Ахматовой: она редко называла себя чьей-то современницей. Ср. ее слова о Маяковском: «...зачем мне бежать за его колесницей? У меня своя есть»⁴. Ср. также написанное ею в «Слове о Пушкине»: «Вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала называться пушкинской. Все красавицы, фрейлины, хозяйки салонов, кавалерственные дамы, члены высочайшего двора, министры, аншефы и неаншефы постепенно начали именоваться пушкинскими современниками <...> Он победил и время, и пространство»⁵.

И все же называть себя чьей-то современницей Ахматовой случалось. Так, дважды она сделала это в телеграммах И. Г. Эренбургу. Вот телеграмма от 26 января 1961 г., посланная к его 70-летию:

*Строгого мыслителя, зоркого бытописателя, всегда поэта поздравляет сегодняшним днем его современница Анна Ахматова*⁶.

Эренбург, с которым Ахматова была в дружеских отношениях с молодости, публицистику которого жадно читала во время Великой отечественной войны, Эренбург, в 1950-е гг. принимавший по ее просьбе участие в хлопотах по осво-

бождению Л. Н. Гумилева, в это время переживал последний пик своей славы: в 1960 г. в «Новом мире» начали выходить его мемуары «Люди, годы, жизнь», где он на пределе тогдашних цензурных возможностей старался рассказать правду или хотя бы полуправду о своем веке. «...Поколение интеллигенции 1960-х годов фактически формировалось на его книге», – пишет Б. Я. Фрезинский⁷. Каким бы неоднозначным ни было отношение Ахматовой к этим мемуарам⁸, она понимала их роль в создании атмосферы эпохи «оттепели», само название которой шло от названия повести Эренбурга 1954 г.

Параллели процитированным телеграммам можно отыскать и в другом лаконичном ахматовском жанре – в дарственных надписях. Например, в черновике инскрипта, сделанном, по-видимому, 15 апреля 1959 г. и предназначенном для ее книги «Стихотворения» (М., 1958)⁹:

*Милой
Василисе Георгиевне Шкловской
от современницы
дружественно*

*Ахматова*¹⁰

Василиса Георгиевна Шкловская (урожд. Корди), художница, первая жена В. Б. Шкловского, – многолетняя знакомая Ахматовой; Анна Андреевна не раз бывала у Шкловских. Причина особого отношения к Василисе Георгиевне – в том, что дом Шкловских был частым пристанищем и убежищем для О. Э. Мандельштама с женой, а после его гибели – уже для одной Надежды Яковлевны, когда она нелегально приезжала в Москву. В воспоминаниях о Мандельштаме Ахматова писала: «Настоящим другом Нади все эти очень для нее трудные годы была Василиса Георгиевна Шкловская и ее дочь Варя»¹¹. Верность друзей,

³ См.: Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой (1889 – 1966). М., 2016. С. 298–299.

⁴ Чуковский Л. К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. Т. 2. Запись от 12 марта 1956 г. С. 193.

⁵ Ахматова А. А. О Пушкине. М., 1989. С. 8.

⁶ РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1243. Л. 5. Воспр. по: Фрезинский Б. Я. Эренбург и Ахматова (взаимоотношения, встречи, письма, автографы, суждения // Вопросы литературы. 2002. № 2. С. 268.

⁷ Ср. менее «громкий» текст, отправленный Эренбургу 27 января 1951 г. по случаю шестидесятилетия: «Дорогой Илья Григорьевич примите самое искреннее поздравление от современницы и читательницы. Анна Ахматова» (РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1243. Л. 3. Воспр. по: Фрезинский Б. Я. Эренбург и Ахматова, с. 265).

⁸ Там же, с. 270.

⁹ Подробно об этом – в статье Б. Я. Фрезинского «Эренбург и Ахматова...», с. 269 – 280.

¹⁰ Записные книжки Анны Ахматовой (1958 – 1966). М.; Torino, 1996. С. 31. В те же дни сделаны другие дарственные надписи на этой книге (Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, с. 643).

¹¹ Ср. инскрипт от 29 февраля 1956 г. на книге Цюй Юаня «Стихи» (М., 1954; Ахматова – один из переводчиков), подаренной Ахматовой А. Е. Крученых к его 70-летию: «Алексею Крученых от современницы» (Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, с. 594). Этот более сдержанный текст все же показывает давнее, сквозь всю жизнь проходящее знакомство, поддерживаемое наличием общего друга – Н. И. Харджиева, подогревавшего интерес Ахматовой к футуризму. За фигурой одного из последних оставшихся в живых футуристов для Ахматовой стояли фигуры, значившие для нее намного больше: Хлебников и Маяковский; более того, стоял сам футуризм как явление.

¹¹ Ахматова А. А. Листки из дневника (О Мандельштаме) // Ахматова А. А. Соч.: В 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 173.

когда «на плечи кидается век-волкодав», в глазах Ахматовой граничила с подвигом.

Что же связывало Ахматову с Н. К. Гудзием, с которым она, судя по всему, была длительно, но не близко знакома? И каков был этот человек, если она просила его вспомнить о ней как о современнице? В наброске зачеркнуто: «очень прошу Вас получив эту».

Единственный, кто до сего дня писал о Гудзии и Ахматовой, – это Р. Д. Тименчик, подробнее всего – в справке-комментарии к упоминанию Николая Каллиниковича в ахматовском списке 1961 г. «Кому дать книгу»¹². «Знакомство, – полагает Роман Давыдович, – по-видимому, относится к 1920-м годам»¹³. Лишь телеграмма, до сих пор оставшаяся неизвестной, позволяет думать, что они познакомились раньше.

Киевские «студенческие годы» Ахматовой – это осень 1908 – весна 1910 г. (до свадьбы с Гумилевым), время учебы на Высших женских курсах при Киевском университете. «Я поступила на Юридический факультет Высших женских курсов в Киеве. Пока приходилось изучать историю права и особенно латынь, я была довольна; когда же пошли чисто юридические предметы, я к курсам охладела», – вспоминала Ахматова в автобиографии¹⁴. Но в телеграмме Гудзию звучит ностальгическая нота. Несмотря на то, что это время не было однозначно счастливым, все же курсы были для нее шагом к преодолению судьбы чеховских «трех сестер»¹⁵. По мнению Е. М. Ольшанской, юридический факультет был выбран Ахматовой потому, что «он давал возможность работать в нотариальной конторе, то есть обеспечивал материальную независимость, которая ей очень была нужна»¹⁶. Кроме того, стоит учесть, что 18 августа 1908 г.

на юридический факультет Петербургского университета был зачислен Н. С. Гумилев. Возможно, обращение к юриспруденции со стороны юной Анны Андреевны было подражанием или проявлением духа соревнования. Во всяком случае, юриспруденция не захватывает ее¹⁷, она пишет много стихов, читает и, по словам Е. М. Ольшанской, «ищет общения с людьми, занимающимися литературой и искусством»¹⁸, в числе которых оказывается театральная художница А. А. Экстер.

Между тем, Николай Каллиникович Гудзий (1887 – 1965), будущий крупнейший специалист по древнерусской, украинской и русской литературе XIX – XX вв., будущий академик АН Украины, закончивший двухклассное городское училище в родном Могилеве-Подольском, учившийся в реальном училище сначала в селе Комрат Бессарабской губернии, затем в Виннице, затем в Киеве, изгнанный оттуда за участие в волнениях 1905 г. и экстерном сдавший экзамены, зарабатывал частными уроками, самостоятельно выучил и сдал латинский и греческий язык и в 1907 г. поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Киевского университета. «...Я мечтал быть <...> словесником, учителем средней школы (о большем я и не думал), – писал он в автобиографии. – <...> научная работа мне и не снилась, она представлялась мне совершенно недостижимой. Однако университетская научная атмосфера вскоре захватила меня»¹⁹.

Влияние, определившее всю дальнейшую жизнь Гудзия, оказали на него лекции по методологии литературы профессора (в будущем академика) В. Н. Перетца и в особенности его домашний «Семинарий русской филологии», в котором Гудзий состоял с 1908 г. по 1914 г., пока Перетц не вернулся

¹² Записные книжки Анны Ахматовой, с. 122. Справка о Гудзии: Тименчик Р. Д. «Записные книжки» Анны Ахматовой. Из «Именного указателя». I // Эткиндовские чтения II-III: Сб. статей по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда. СПб., 2006. С. 231–232.

¹³ Там же, с. 231.

¹⁴ Ахматова А. А. Коротко о себе // Ахматова А. А. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 267. Подробнее об этом периоде и вообще о киевской составляющей биографии Ахматовой см. в публ.: Ольшанская Е. М. Анна Ахматова в Киеве // Серебряный век. Киев, 1994.

¹⁵ Ср. строки из писем Анны Горенко С. В. Штейну. Январь 1907 г.: «Я кончила жить, еще не начиная. Это грустно, но это так. Где Ваши сестры? Верно, на курсах, о, как я им завидую. Уж, конечно, мне на курсах никогда не бывать, разве на кулинарных». 13 марта 1907 г.: «Мне вдруг захотелось в Петербург, к жизни, к книгам. Но я вечная скиталица по чужим грубым и грязным городам, какими были Евпатория и Киев, будет Севастополь, я давно потеряла надежду». Еще одно письмо 1907 г.: «Я болела легкими (это секрет), и, может быть, мне грозит туберкулез. <...> Гимназию кончила очень хорошо. Доктор сказал, что курсы – смерть. Ну, я и не иду – маму жаль» (Ахматова А. А. Соч.: В 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 180–186). «Слой чеховской стилистики» в письмах Горенко Штейну замечен А. Г. Найманом, убедительно показавшим причины нелюбви Ахматовой к Чехову и среди них такую: «Быт, изображенный Чеховым, это реальный быт “чужих, грубых и грязных городов”, большую часть детства и юности окружавший и угнетавший Аню Горенко, который Анна Ахматова вытеснила не только из биографии, но и из сознания херсонесским черноморским привольем и царскосельским великолепием. <...> Не Ахматова цитировала Чехова, а Чехов – некую девицу Горенко» (Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 41–42).

¹⁶ Ольшанская Е. М. Анна Ахматова в Киеве, с. 19.

¹⁷ Как и Гумилева, который в мае 1911 г. уходит из университета, а с 1912 г. учится на романо-германском отделении историко-филологического факультета.

¹⁸ Ольшанская Е. М. Анна Ахматова в Киеве, с. 21.

¹⁹ Гудзий Н. К. Автобиография // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии: Сб. М., 1968. С. 131, 133.

в родной ему Петербург. Это было «некое “вольное” научное общество, независимое от факультета, – писала В. П. Адрианова-Перетц, участница того же семинара, вскоре ставшая женой Перетца, впоследствии сама крупный ученый (из семинара вышло много известных филологов). – Выполненные в семинарии работы не зачитывались студентам, не входили в круг обязательных по программе заданий, не давали никаких привилегий, да еще для поступления в семинарий требовалось сдать коллоквиум и по курсу методологии и по курсу истории древней русской литературы...»²⁰. К каждому члену семинара, даже к первокурснику, Перетц относился как к ученому, студенты и приходившие на семинары преподаватели читали доклады, зачастую основанные на неизученных и малоизученных источниках, на древних литературных памятниках, извлекавшихся из киевских книгохранилищ, а также книгохранилищ других городов: Петербурга, Москвы и т. д., куда Перетц возил своих подопечных и где, кроме всего прочего, знакомил их с выдающимися филологами того времени. Доклады участников семинара жарко обсуждались, многие затем печатались в специальных журналах.

В брошюре, которую выпустили к юбилею 1927 г.²¹ бывшие участники киевского и петербургского семинара Перетца, указано: «Доклады и работы Семинария касались вопросов историографии литературы, археологии, палеографии, текстологии, истории древнейшей письменности, истории новой и новейшей литературы, методологии и истории наук, поэтики и теории литературы (по разным их отделам), истории языка и словесности, народной словесности, истории славянских и западноевропейских литератур, мифологии, церковного и народного искусства, наконец, рецензировались разнообразные крупные работы»²².

«Семинарий русской филологии, – писал Гудзий, – представлял собой дружную, сплоченную, увлеченную общими научными интересами

семью, возглавлявшуюся заботливым нашим учителем. В то время он был и нашим любимым другом. Он запросто общался со всеми учениками, принимал их у себя на дому и на даче как желанных гостей и не в положенные часы занятий бывал и у нас, студентов, в гостях»²³.

Все то, чем был хорош Перетц и чем славился его семинар, перешло в наследство его ученику Гудзию – об этом свидетельствуют и его работы, и воспоминания его коллег, включая бывших студентов. Творческую свободу, научную одержимость и честность, верность своему преподавательскому призванию, которые стали его органикой, он стремился привить высшему образованию совершенно других, малоподходящих для этого времен²⁴.

Но в те годы, о которых напоминала в телеграмме Ахматова, Гудзий только начинал. По свидетельству другого участника семинара – А. А. Назаревского, он «бубнил» свои первые доклады. Это был «худошавый, несколько даже тщедушный молодой человек, очень живой и подвижный, но не совсем ловкий в движениях, нередко ронявший из рук тросточку (дань тогдашней моде), – он легко мог натолкнуться на кого-нибудь, что-нибудь зацепить. <...> нередко жаловался на усталость, бессонницу, головные боли. Внешний вид его казался иногда болезненным. <...> А потом, много лет спустя, этот хилый, слабосильный смолоду человек поражал нас <...> своей исключительной работоспособностью, неутомимостью, неистощимой энергией и жизнерадостностью. Я помню, как лихо отплясывал он – в возрасте уже далеко за шестьдесят – на одном из традиционных банкетов после защиты диссертации»²⁵. Были и качества, проявившиеся уже в семинарский период и сохранившиеся навсегда: «Между прочим, Николай Каллиникович <...> оказался большим и горячим спорщиком. <...> особенно часто пререкался с Е. Л. Неверовой из-за Владимира Соловьева и с С. Н. Зелинской-Луначарской о символизме...»²⁶.

²⁰ Адрианова-Перетц В. П. Начало пути. В киевском семинаре В. Н. Перетца // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии, с. 10. Семинар не входил и в университетскую нагрузку его руководителя (Росовецкий С. К. Памятник истории литературоведения – или университетское пособие на все времена? // Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для студентов, преподавателей и для самообразования. М., 2010. С. 8.

²¹ Брошюра была выпущена к 35-летию научной деятельности Перетца и 20-летию существования семинара.

²² Семинарий русской филологии академика В. Н. Перетца. Участники Семинария – своему руководителю. Л., 1929.

²³ Гудзий Н. К. Автобиография, с. 136.

²⁴ Тем не менее, как отмечает научный «внук» Перетца проф. Росовецкий (ученик его научного «сына», проф. А. А. Назаревского), некоторые базовые вещи Перетц и его ученики сумели передать будущему: «Конечно ж, филологам старшего поколения заседания “Семинария...” могут напомнить спецсеминары советского времени, на которых готовились курсовые работы, а “экскурсии” – выездные архивные практики (такие практики в Москве и Ленинграде проводились для студентов-русистов Киевского университета в 60-е – 70-е годы, потом о них пришлось забыть). Однако весь фокус в том, что эти организационные формы подготовки студентов как раз и восходят к “Семинарию...” В. Н. Перетца. В его годы педагогические идеи “Семинария...” обладали абсолютной новизной» (Росовецкий С. К. Памятник истории литературоведения – или университетское пособие на все времена? С. 9).

²⁵ Назаревский А. А. Из далекого и недавнего прошлого // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии, с. 17–18.

Через много лет, борясь с лестью учеников в свой адрес, Гудзий говорил: «Я <...> начал свою деятельность с доклада, где оспаривал основные положения работы Перетца о народном стихосложении. Однако все же это не помешало нам быть в самых дружественных отношениях»²⁶.

Где могли познакомиться и видаться юная поэтесса-курсистка и забавный на вид начинающий филолог, занимавшийся древней премудростью и споривший о символизме, интересовавшем и Анну Горенко? Есть соблазн предположить, что на семинаре Перетца: конечно, этот семинар был для Киевского университета явлением чрезвычайно заметным. И надо сказать, что курсистки среди членов семинара были, но не с юридического отделения: в нем «участвовали, кроме университетских студентов-филологов, также слушательницы историко-филологического факультета Киевских высших женских курсов, на которых недолго преподавал В. Н. Перетц и которые он вынужден был покинуть из-за столкновения с реакционной профессурой, одно время там господствовавшей»²⁸. В списке участников семинара Анны Горенко, разумеется, нет²⁹, но, может быть, когда-то проходили открытые заседания, на которых могли бывать и посторонние? Была же Ахматова с Гумилевым и другими членами Цеха поэтов 11 марта 1912 г. на посвященном Бальмонту заседании Неофилологического общества в Петербурге. Это задокументировано³⁰, а вот данных о том, что Анна Андреевна когда-либо присутствовала на семинаре Перетца, не существует или они пока не известны. Сама она упомянула Перетца, кажется, только единожды – в записной книжке: «Жир<мунский> читал “Преод<олевшие> симв<олизм>” в Нео-филологич<еском> обществе (1916). Перетц сказал ему: “Что это вы из пушек по воробьям”. Тогдашним солидным петербургским ученым тема казалась легкомысленной»³¹. Скорее всего, знакомство Анны Андреевны с Гудзием произошло не в квартире Перетца.

Возможно, и не в университете, поскольку Высшие женские курсы, на которых преподавали уни-

верситетские профессора, находились не в его здании. Юридический факультет курсов располагался тогда поблизости от университета, на Фундуклеевской улице, 51³². В это время Анна Горенко жила на Тарасовской улице, как и ее однокурсница Елизавета Дубровская: «...они часто вместе возвращались домой пешком. Проходили мимо университета, возле университетского Ботанического сада, сворачивали на крутую Тарасовскую улицу...»³³.

Как бы то ни было, ахматовская телеграмма свидетельствует, что истоки ее общения с Гудзием – киевские «студенческие годы». У Гудзиев они были гораздо более яркими и счастливыми, и, наверное, задним числом Ахматовой хотелось быть причастной к этому студенческому счастью.

Окончив в 1911 г. университет с золотой медалью, Николай Каллиникович был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию, а с 1915 г. начал преподавать в качестве приват-доцента. Параллельно он преподавал в трех женских гимназиях, стал директором гимназии при Киевской консерватории. В 1916 г. университет «по обстоятельствам военного времени» эвакуировали в Саратов, а Гудзий оставался в Киеве до октября 1918 г., пока не уехал в Симферополь, где был организован филиал Киевского университета – Таврический университет, пригласивший его преподавать в качестве профессора³⁴.

К этому периоду относятся первые известные на сегодняшний день свидетельства интереса Гудзиев к творчеству Ахматовой. В симферопольской газете «Южные ведомости» за 28 ноября 1919 г. выходит его рецензия на коллективный сборник «Стихи 1918 г.» (М.; Одесса, 1918), в которой есть строки: «...как всегда, трогательно просто и прекрасно в своей простоте стихотворение Анны Ахматовой, начинающееся словами “Это просто, это ясно, это всякому понятно”. Перебои настроений укладываются в соответствующие ритмы, так задушевно передающие тихую печаль нелюбимой, но любящей женщины»³⁵. «В 1920 г. в Ялте он выступал с докладом о творчестве Ахматовой

²⁶ Там же, с. 16.

²⁷ Зайцев В. И. Требовательная доброта // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзие, с. 100.

²⁸ Гудзий Н. К. Автобиография, с. 135.

²⁹ Семинарий русской филологии академика В. Н. Перетца, с. 33.

³⁰ Протоколы заседаний Неофилологического общества за 1912 год // Записки Неофилологического общества. Вып. 7. 1914. С. 58.

³¹ Записные книжки Анны Ахматовой, с. 557. На докладе Жирмунского Ахматова не была, она находилась в это время в Крыму.

³² Ольшанская Е. М. Анна Ахматова в Киеве, с. 19. На этой же улице была и оконченная Ахматовой гимназия.

³³ Там же, с. 19 – 20.

³⁴ Гудзий Н. К. Автобиография, с. 137 – 138. Сложное отношение Гудзиев к событиям революционного и постреволюционного времени, прежде всего, к событиям украинским, видно, наприм., в статье: Гудзий Н. К. Конец украинской самостоятельности // Южные ведомости. 1919. 20 сентября (2 октября) [Так!]. № 167. Републ. на сайте «Мой Киев. Новости. История. Размышления. Воспоминания»: <http://mykiev.hop.ru/mykiev/kiev.php>

³⁵ Тименчик Р. Д. «Записные книжки» Анны Ахматовой. Из «Именного указателя». I, с. 231–232.

(Наш путь. Ялта, 1920. 25 июня / 8 июля). Позднее тот же доклад был анонсирован в Симферополе (Таврический голос. Симферополь, 1920. 18 / 31 октября)...»³⁶ и, по-видимому, состоялся.

Когда вскоре после гибели Гумилева по России прошел слух, что Ахматова умерла, в Симферополе был объявлен вечер ее памяти. Согласно афише, 28 октября 1921 г. в Центральном показательном клубе должен был выступить со своим словом профессор А. А. Смирнов, с докладом – профессор Н. К. Гудзий, затем планировалось чтение ахматовских стихов и исполнение романсов на слова Ахматовой. У Ахматовой была афиша этого вечера³⁷. А в 1964 г. она получила письмо от одной из своих почитательниц – Е. Зубовой, в котором не без путаницы, объяснимой давностью события, рассказывалось, без сомнения, именно об этом вечере: «Надо сказать, что детство и юность мои прошли в Крыму, в Симферополе. Не помню точно – в 20-м или 21 году (я училась еще в гимназии) я узнала, что в университете будет вечер, посвященный “памяти А. Ахматовой”. Да, да, именно “памяти” – не удивляйтесь, у нас распространился слух (уж не знаю, откуда он взялся), что вы погибли. На вечер собралось много народу – студенты и посторонние. Кто-то из профессоров выступил с докладом о вашем творчестве. И вот во время доклада кто-то подходит к докладчику и шепчет ему на ухо. Лицо профессора растягивается в улыбке: “Срочное сообщение – поступило опровержение о гибели А. Ахматовой!” Здесь поднялись бурные аплодисменты, шум, ликование, и вечер “памяти” превратился в вечер, “посвященный творчеству Анны Ахматовой”. Долго читали ваши стихи, были исполнены романсы (не знаю композиторов)

на ваши стихи. В душе была такая радость и ликование. Это было весной, чудесной крымской весной»³⁸.

В конце 1921 г. Гудзий переехал в Москву, где работал во многих учебных и научных учреждениях. До последних дней преподавал в МГУ.

О некоторых его встречах и характере бесед с Ахматовой в 1920-е гг. известно благодаря дневнику его коллеги и многолетнего друга И. Н. Розанова³⁹, изученному Н. А. Богомоловым. В июле – августе 1923 г. Розанов вместе с Гудзием отдыхали в санатории Дома ученых в Царском Селе, а также не раз побывали в Петрограде, где виделись со многими людьми, в том числе и с Ахматовой. Вот выписки из дневника Ивана Никандровича:

13 июля: «Встречи и поиски. <...> 10) Поиски Анны Ахматовой 11) Поиски Смирнова А. А. 11) Перетц».

14 июля: «... 3) А. Ахматова. 4) Обед дома – брат Н. К<алинникович>а – Михаил <...> 7) Ахматова...».

16 июля: «В 6 ч. в П<етроград>. Посещение Анны Ахматовой. Ее капризная балованность – [тихий] голос. Н<иколай> К<алинникович> о Севастополе⁴⁰. Некоторая сухость. Тихий смех и улыбка. Необыч<айная> обстановка⁴¹. Вручение книжки⁴². Неприятный осадок. Вечер в “Союзе поэтов”. <...> Программа: Стихи Анны Ахматовой <...> Затем доклад Замятина о современной прозе <...> и др.».

18 августа у библиотекаря С. И. Рагозиной в числе гостей были Розанов, Гудзий и Ахматова. «Говорили, что судьба ее стихов после того, как они написаны, ее не интересует (романсы на слова, декламация их и т. д.)⁴³. Провожали с Н<иколаем>

³⁶ Там же, с. 231.

³⁷ Ахматова А. А. Requiem // В 5 кн. / Предисл. Р. Д. Тименчика; сост. и прим. Р. Д. Тименчика при участии К. М. Поливанова. М., 1989. С. 36 – 37.

³⁸ Письмо из архива РНБ, ф. 1073 (фонд А. А. Ахматовой). Цит. по: Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма. Л., 1990. С. 547 – 548.

³⁹ О дружеских отношениях, свидетельством которых являются многочисленные книги Розанова с дарственными надписями Гудзиему, см. в публ.: Кашутина Е. С. Книжное собрание Н. К. Гудзиева в фондах Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ. См. также статью памяти Розанова: Гудзий Н. Иван Никандрович Розанов // Вестник Московского университета. Серия VII. Филология, журналистика. 1960. № 1.

⁴⁰ Рассказ Гудзиева о послереволюционном Севастополе мог быть вызван особым интересом Ахматовой к этому городу: в детстве и юности она со своей семьей многократно жила как в самом Севастополе, так и в его окрестностях (см., наприм.: Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, с. 862 – 864). С Севастополем была связана жизнь ее деда Антона Андреевича Горенко и некоторых других родственников (см.: Шевченко С. М., П. М. Ляшук. Род Горенко в Севастополе. Новые данные к родословной Анны Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб.: Вып. 3. Симферополь, 2005; Державина В. Ф. Имя Ахматовой на карте Севастополя // Там же; др.).

⁴¹ В это время Ахматова жила со своей подругой, актрисой О. А. Глебовой-Судейкиной на Фонтанке, 18, в большой семейной квартире Судейкиных (Судейкины были уже в разводе). «Немного обветшалая, эта квартира еще хранила следы роскоши предыдущей эпохи. Особую атмосферу в ней создавали ампириная мебель и картины Сергея Судейкина» (Мок-Бикер Э. «Коломба десятилетиями...»: Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. Париж; СПб., 1993. С. 59). Жизнь в этой квартире была сочетанием скудости, великолетия и богемности. Ср.: «Было 2 часа ночи, – писал о ночи с 16 на 17 июля 1923 г. Н. Н. Пунин, роман Ахматовой с которым был в это время в самом разгаре. – Знал, что в этот день у них Кузмин и вообще гости. <...> Ворота были открыты, во всех окнах у Ан. был свет <...> Гости уже ушли, кроме одного, который остался с Ольгой (Судейкиной) на другой половине <...> Светало. Ворвалась Ольга, раздетая, увидев меня, ахнула <...> Ан. очень огорчилась тому, что Ольга меня увидела, так как та неминуемо расскажет об этом своему кавалеру...» (Пунин Н. Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. М., 2000. С. 193).

⁴³ Этот разговор возник, скорее всего, в связи с тем, что в гостях у Рагозиной был историк литературы, музыковед и композитор С. А. Бугославский с женой А. М. Бугославской, незадолго до того декламировавшей у Розанова стихи Ахматовой, а также исполнявшей романсы мужа на стихи Ахматовой у В. Кривича (об этом – в записях Розанова от 3 и 9 августа).

К<аллиниковичем> Анну Ахматову до дому: говорила о 1) критиках формальн<ого> метода – отрицательно, особ<енно> о разборе Виноградова⁴⁴ – “это совсем не нужно” – “я еще не история” и т. п. Из всех статей хорошо отзывалась только о Недоброво⁴⁵ и о нем самом, очень интересовалась, как (и где?) он умер⁴⁶. 2) Об акмеизме: “Неужели Вы думаете, что существует к<акой>-л<ибо> акмеизм?” – счетом у Н<иколая> Степановича Гумилева я и [1 нрзб.]⁴⁷. 3) О делении своей книги “Белая стая” на отделы: были раньше обозначенные отделы⁴⁸. 4) О нелюбви к Брюсову: “Ты – чьи руки”. 5) Другой пример незнания языка: “Под сей могилой погребен”⁴⁹. 6) О своей любви к Мандель-

штаму, о <...> Пастернаке – талантлив, но до Мандельштама далеко⁵⁰: “Я не изменю об нем своего мнения, хотя он меня начал печатно бранить”⁵¹. 7) <...> О Блоке и о строч<к>е “Короткое звонкое имя”⁵². “Имя было вовсе не короткое: в 3 слога”; 8) о боязни ехать в Москву: там ее непременно [?] освищут – чего ради?⁵³ 9) о любви к Ц<арскому> С<елу>. Там не надо ей быть. Все постоянно стоит в ее воображении”⁵⁴.

Судя по дневнику Розанова, Ахматова в основном вела с ним и Гудзием литературные разговоры на обычные для нее темы. О киевских студенческих годах речи, по-видимому, не было, или о них не было сказано ничего такого, что было бы

⁴⁴ «Разбор Виноградова» – его фундаментальная статья: Виноградов В. О символике А. Ахматовой // Литературная мысль. Пг., 1922 [на обл. 1923]. Перепечатку см., наприм., в изд.: Анна Ахматова: Pro et contra: Антология [статей об Ахматовой]: В 2 т. Т. 1. СПб., 2001.

⁴⁵ Недоброво Н. Анна Ахматова // Русская мысль. 1915. № 7. Перепечатку см. в изд.: Анна Ахматова: Pro et contra, т. 1. Эту статью Ахматова продолжала ценить до конца жизни. Ср. ее запись от 14 сентября 1964 г.: Недоброво «пишет об авторе “Requiem’a”, Триптиха, “Полночных стихов”, а у него в руках только “Четки” и “У самого моря”. Вот что называется настоящей критикой» (Записные книжки Анны Ахматовой, с. 489).

⁴⁶ Расспросы о поэте и литературном критике Николае Владимировиче Недоброво, одном из главных адресатов стихов Ахматовой, связаны с тем, что Н. В. Недоброво умер в Ялте, и живший до недавнего времени в Крыму Гудзий мог знать о его последних днях и годах больше, чем это было известно Ахматовой. Ср.: «В 1920 году О<сип> М<андельштам> пришел ко мне на Сергиевскую, 7, чтобы сказать о смерти Н. В. Недоброво в Ялте, в декабре 1919 года. Он узнал об этом несчастье в Коктебеле у Волошина. И никогда никто больше не мог сообщить мне никаких подробностей. Вот какое было время» (Ахматова А. А. Листки из дневника, с. 161).

⁴⁷ Имеются в виду попытки ряда поэтов воскресить акмеизм после распада первоначальной группы акмеистов и гибели главного идеолога этой школы Гумилева. «Акмеизм 23<-го> года – не тот, что в 1913 году. Вернее, акмеизма нет совсем», – писал О. Э. Мандельштам Л. В. Горнунгу в июле – августе 1923 г. (Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 33).

⁴⁸ В 1923 г. в Берлине вышло 4-е изд. сб. «Белая стая» (первое – в 1917 г. в Петрограде). Как и предыдущие издания, оно было поделено на не имеющие названий разделы.

⁴⁹ Как и Н. А. Богомолу, нам не удалось отыскать у Брюсова такие выражения. Но можно привести другие строки, показывающие, что ахматовские претензии к Брюсову небезосновательны, наприм.: «В ослеплении поднятый молот / Ты любовной рукой удержал» («Луначарскому», 1920); «Воздвигли там ряд каменных могил» («Египет», 1918). За частными замечаниями Ахматовой стоит кардинальная переоценка творчества одного из кумиров ее ранних лет. Эта переоценка связана, прежде всего, с противостоянием акмеизма символизму.

⁵⁰ Ср.: «Не раз она признавалась, что с Мандельштамом, по ее мнению, никого сравнивать нельзя, а однажды даже сказала фразу, – это было после собрания Цеха, у Сергея Городецкого, – меня поразившую: – Мандельштам, конечно, наш первый поэт...» (Адамович Г. Мои встречи с Анной Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 69); «... Кто укажет, откуда донеслась до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама!» (Ахматова А. А. Листки из дневника, с. 172). О дружеской и литературной близости этих поэтов см., наприм.: Тименчик Р. Ахматова и Мандельштам. Что такое «литературная дружба» // Новая Польша. 2011. № 12. <https://novpol.org/ru/HksF8uMDjZ/AHMATOVA-I-MANDELSTAM>

⁵¹ Ср.: «В начале 20-х годов <...> Мандельштам дважды очень резко нападал на мои стихи в печати <...> Этого мы с ним никогда не обсуждали. Но и о своем славословии моих стихов он тоже не говорил, и я прочла его только теперь...» (Ахматова А. А. Листки из дневника, с. 169). В статье «Буря и натиск», напечатанной в журнале «Русское искусство» № 1 за 1923 г., Мандельштам писал: «Анненский до сих пор не дошел до русского читателя и известен лишь по вульгаризации его методов Ахматовой» (цит. по: Мандельштам О. Э. Буря и натиск // Мандельштам О. Э. Слово и культура. М., 1987. С. 208); в статье «Vulgata (Заметки о поэзии)» есть строки: «Воистину русские символисты были столпниками стиля: на всех вместе не больше пятисот слов <...> Но это, по крайней мере, были аскеты, подвижники. Они стояли на колодах. Ахматова же стоит на паркетине – это уже паркетное столпничество» (Русское искусство. 1923. № 2–3. С. 69).

⁵² Строка из стихотворения 1912 г. «Безвольно пощады просят...». «В литературе об Ахматовой бытует мнение, что это стихотворение адресовано А. Блоку, но на экземпляре сборника стихов 1958 г., подаренного Ахматовой ближайшей подруге В. С. Срезневской, оно имеет посвящение: С. С. <Сергею Судейкину?> Короткое, звонкое имя – возможно, “Пим” – домашнее прозвище Судейкина» (коммент. М. М. Кралина в изд.: Ахматова А. А. Соч.: В 2 т. Т. 1, с. 374). Скорее всего, разговор был на тему, которую сама Ахматова называла «Как у меня не было романа с Блоком» (Записные книжки Анны Ахматовой, с. 670). Ср. дневниковую запись К. И. Чуковского 1923 г.: «25 ноября. <...> зашел к Ахматовой. <...> Много говорила о Блоке: “В Москве многие думают, что я посвящала свои стихи Блоку. Это неверно. Любить его как мужчину я не могла бы. Притом ему не нравились мои ранние стихи. Это я знала – он не скрывал этого”» (Чуковский К. Дневник: В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 297).

⁵³ Ср. запись К. И. Чуковского от 15 декабря того же 1922 г.: «Ахматовой очень хочется ехать в Москву – но она боится, что будет скандал, что московские собраты сделают ей враждебную манифестацию» (Чуковский К. Дневник, т. 1, с. 254). Ср. также с Цветаевским описанием московской литературной жизни в письме к Ахматовой от 31 августа (ст. стили) 1921 г. Письмо посвящено рассказу про ложные «мрачные слухи» о смерти Ахматовой и про то, как они были приняты в Москве: «... единственным <...> Вашим другом (друг – действие!) – среди поэтов оказался Маяковский, с видом убитого быка бродивший по картонажу «Кафе Поэтов». <...> Он же и дал через знакомых телеграмму с запросом о Вас <...> Об остальных (поэтах) не буду рассказывать – не потому, что это бы Вас огорчило: кто они, чтобы это могло Вас огорчить? – просто не хочется тупить пера. Эти дни я – в надежде узнать о Вас – провела в кафе поэтов – что за уроды! что за убожества! что за ублюдки! Тут всё: и гомункулы, и автоматы, и ржущие кони, и ялтинские проводники с накрашенными губами» (Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1995. С. 202 – 203).

⁵⁴ Богомол Н. А. А. Ахматова в дневнике И. Н. Розанова (1914 – 1924) // Русская литература. 2016. № 3. С. 219–222. Частично той же теме посвящена публ.: Богомол Н. В. В книжном углу – 13. Добавления к «летописям жизни и творчества» // Новое литературное обозрение. 2014. № 5(129).

сочтено Розановым достойным фиксации. А значит, едва ли общих киевских воспоминаний у Ахматовой и Гудзия было много.

О дальнейшем личном общении Ахматовой и Гудзия ничего не известно до конца 1950-х гг. Это не значит, что они не виделись: у них были общие друзья и знакомые среди писателей и филологов. Так, оба они бывали в московском доме Г. И. Чулкова, где, по словам исследовательницы, «в течение полутора десятков лет по воскресеньям собирался поистине творческий “цвет столицы”»⁵⁵; оба были дружны с В. В. Виноградовым. Кроме того, их объединял Пушкин⁵⁶: оба писали о нем и участвовали в подготовке полного собрания сочинений в 16-ти томах, выпущенного в 1937 г., к столетию со дня гибели поэта, а с 1958 г. входили в возобновленную Пушкинскую комиссию при Отделении литературы и языка Академии наук СССР⁵⁷.

Сохранялся интерес ученого, «самозабвенно любившего поэзию»⁵⁸, к ахматовским стихам.

В 1930 г. Гудзий опубликовал большую статью «Тютчев в поэтической культуре русского символизма», где возводил русский символизм в значительной степени к Ф. И. Тютчеву (а затем – к А. А. Фету и В. С. Соловьеву) и скрупулезно показывал влияние Тютчева на целый ряд поэтов-символистов. В конце он писал: «Поэзия русского символизма оказалась наиболее восприимчивой к Тютчеву. Однако его влияние за пределами одной лишь символической школы не исчерпывается. Оно имеет место и в досимволический период русского стихотворства; оно обнаруживается и в поэтических направлениях, пришедших на смену символизму, и в творчестве отдельных поэтов, ни с какими определенными литературными группировками не связанных. Так, влияние Тютчева испытали на себе А. Ахматова, О. Мандельштам, В. Ходасевич, М. Лозинский, И. Бунин, М. Шагинян, Б. Пастернак, В. Казин. Можно догадываться, что некоторые типичные элементы тематики и, главным образом, синтаксиса Ахматовой определились стихотворением Тютчева “Не говори: меня он, как и прежде, любит...”», особенно последней его строфой:

Он мерит воздух мне так бережно и скудно,
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу...»⁵⁹.

Ахматова, всегда пристально следившая за тем, что говорилось о ней в печати, не могла не знать об этих пронизательных строках.

Статья написана так, как будто в стране не было ни революции, ни партийной литературы и партийного литературоведения. В связи с этим стоит привести осторожные строки А. А. Назаревского в очерке памяти Гудзия: «В свое время Николай Каллиникович счастливо прошел между Сциллой и Харибдой нашего литературоведения начала двадцатого столетия, между формализмом и вульгарным социологизмом, не поддавшись их широко распространенному тогда воздействию на многие умы. В своих литературоведческих трудах послереволюционного времени он стремился сохранить и продолжить лучшие традиции академической филологии, а начиная с 30-х годов старался сочетать эти традиции с марксистским пониманием литературы как общественного явления, обусловленного закономерностями классовой борьбы и исторического развития. Этим путем он шел и в своих исследованиях древнерусской литературы»⁶⁰. Со словами Назаревского интересно сопоставить слова самого Гудзия, также содержащие умолчания и намеки: «Как в преподавательской, так и в исследовательской своей работе я, подобно другим советским литературоведам, не сразу пришел к осознанию марксистско-ленинской методологии как единственно плодотворного пути научного исследования, но чем дальше, тем больше, как мне представляется, я приближался к усвоению ее. <...> в конце 20-х годов <...> я приблизительно на два с половиной года был освобожден, точнее, деликатно отстранен от преподавания в высшей школе»⁶¹.

Когда В. В. Виноградов пишет: «С конца 20-х, но особенно интенсивно и последовательно с первой половины 30-х годов осуществляется возврат

⁵⁵ Михайлова М. В. Не бойся смерти и разлуки... // Чулков Г. И. Тайная свобода: Стихотворения из неизданных книг (1920 – 1938). М., 2003. С. 9.

⁵⁶ О Гудзии-пушкинисте см., наприм.: Алексеев М. П. Гудзий [некролог] // Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л., 1967.

⁵⁷ Пини О. А. Пушкинская комиссия при Отделении литературы и языка Академии наук СССР // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л., 1962. Т. 4.

⁵⁸ Илюшин А. А. Тонкий знаток поэзии // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии, с. 104.

⁵⁹ Гудзий Н. К. Тютчев в поэтической культуре русского символизма // Известия по русскому языку и словесности Академии наук. Л., 1930. С. 549. Про строки об Ахматовой в статье Гудзия впервые: Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы: В 2 т. Иерусалим; М., 2014. Т. 1. С. 265 – 266. Т. 2, с. 371.

⁶⁰ Назаревский А. А. Из далекого и недавнего прошлого, с. 22.

⁶¹ Гудзий Н. К. Автобиография, с. 139, 140.

Н. К. Гудзия к древнерусской и древнеукраинской литературе», – то имеется в виду не только сохранение интереса Гудзия к истокам его научной деятельности, но и понимание, что древние отечественные литературы в период отстрела ученых – это хоть какая-то защита.

На фоне судеб многих других ученых сталинского времени его судьбу можно считать на редкость счастливой: помогали и крестьянская родословная, и то что не был евреем, и «патриотичные» объекты исследования, да и просто что называется – «выпала счастливая карта». В 1933 – 1934 гг. имя Гудзия фигурировало в следствии по «Делу Российской национальной партии» («Делу славистов»), по которому многие оказались в лагерях, многие – в ссылке. Среди сосланных был В. Н. Перетц, в ссылке же и умерший. Гудзия беда миновала⁶².

Но для роли счастливица этого мало: были еще жизнестойкость и жизнелюбие, имевшие твердую опору – веру в людей и страсть к творческому труду. Гудзий описывает, как, будучи «деликатно отстранен» от преподавания, занялся «поистине безграничным рукописным материалом сочинений Толстого» (подготовив в результате к печати тексты 10-ти томов 90-томного юбилейного собрания его сочинений): «Трудно передать захватывающее, радостное волнение, которое испытывал тот, перед кем воочию раскрывался процесс писательской работы гения, его творческая лаборатория, отпечатлевшаяся в громадном количестве черновых вариантов, в ряде предварительных редакций, содержащих драгоценные, впервые обнаруженные тексты, не вошедшие в окончательные редакции толстовских произведений»⁶³.

В 20-е гг. в высшей школе была прервана традиция преподавания древнерусской литературы. Будучи возвращен в высшую школу, Гудзий в начале 30-х гг. добился возврата этого предмета, для которого в 1935 г. выпустил свою «Хрестоматию по древней русской литературе», а в 1938 г. – учебник «История древней русской литературы». Оба издания многократно дорабатывались и переиздавались. По 1966 г. вклю-

чительно учебник выдержал семь переизданий, был переиздан и в наши дни⁶⁴. Он переведен на несколько иностранных языков⁶⁵. Д. С. Лихачев пишет: «Имя Гудзия как-то сразу стало широко известно с 1938 года после появления его учебника <...> Это была струя свежего воздуха, ворвавшаяся в наше литературоведение. Людям, не помнящим времени вульгарного социологизма, трудно сейчас понять, почему таким радостным событием был этот учебник Н. К. Гудзия. <...> о литературе, да еще о древнерусской, говорилось нормальным человеческим голосом». Лихачев вспоминает, как встретил на улице Г. А. Гуковского, который «почти бежал» в академический книжный магазин: «На ходу он объяснил мне, что вышел учебник Гудзия, который надо обязательно купить»⁶⁶.

Трудно сомневаться в том, что Ахматова держала на шумевший учебник в руках или хотя бы слышала о нем. В свою очередь можно с уверенностью полагать, что Гудзий был в числе читателей стихов Ахматовой, когда их, начиная с 1940 г., вновь стали публиковать. О том же, что он знал ее стихи военного времени, известно из воспоминаний литературоведа Ю. Л. Булаховской, дочери известного лингвиста Л. А. Булаховского, дружившего с Гудзием. В мае 1943 г. Гудзий вернулся в Москву из эвакуации (из Свердловска)⁶⁷ и бывал с женой у Булаховских, в 1943 – 1944 гг. живших в одной из московских гостиниц. В небольшом гостиничном номере происходили дружеские литературные чтения, на которых присутствовала и школьница Юлия: «Николай Калининич <...> приносит на литературные “вечера” где-то раздобытые им полуподпольные рукописи-тексты новых стихов Ахматовой (потому что последняя полузапрещена⁶⁸): “Двадцать четвертую драму Шекспира пишет время костлявой рукой. Лучше мы Гамлета, Цезаря, Лира будем читать над свинцовой рекой, лучше сегодня голубку Джульетту с пеньем и факелом в гроб положить, лучше заглядывать в окна к Макбету, вместе с наемным убийцей дрожать: только не эту, не эту, не эту!!! Эту уже мы не в силах читать!” Или же: “Птицы смерти в

⁶² См.: Просим освободить из тюремного заключения / Сост. В. Гончаров, В. Нехотин. М., 1998. С. 180 – 183.

⁶³ Гудзий Н. К. Автобиография, с. 141.

⁶⁴ Отражение споров о пригодности учебника Гудзия сегодня см., наприм., в публ.: Ранчин А. М. В защиту «сталиниста» Н. К. Гудзия, или Какой может и не может быть история древнерусской словесности // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.

⁶⁵ Подробно история выпуска учебника и его анализ – в публ.: Кусков В. В. Н. К. Гудзий — создатель первого советского вузовского учебника по истории древнерусской литературы // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 6. Ч. 2.

⁶⁶ Лихачев Д. С. Впечатления от книги // Воспоминания о Николае Калининиче Гудзии, с. 44.

⁶⁷ Гудзий Н. К. Автобиография, с. 138 – 139.

⁶⁸ «Полузапрещенной» в годы войны Ахматову назвать, казалось бы, нельзя: ее стихи о войне широко печатаются, в 1943 г. выходит маленький сборник «Избранного» – это время ее всенародной славы. Но характерно и не случайно, что и в этот период проникательные читатели понимают опасность чтения ее произведений, особенно неопубликованных.

зените стоят. Кто идет защищать Ленинград? Не будите его – он дышит, не будите его – он слышит, как на влажном балтийском дне сыновья его стонут во сне, как из недр его крики “Хлеба!!!” до седьмого доходят неба. Отворите райскую дверь – помогите ему теперь!” Или же более личное, более интимное: “С грозных ли площадей Ленинграда или с блаженных летейских полей ты принес мне такую отраду, тополями украсил ограду и восточных светил мириады расселил над печалью моей?” Трудно сказать, что такое антисоветское есть в стихах выдающейся русской поэтессы, что их нельзя печатать и даже распространять в списках (за это и распространителю, и читающим, а, главное, запоминающим грозили большие политические неприятности). Меня об этом предупреждают: “Слышишь, Юляха, никому! Сама прочтешь <...> – и могила!, а то останешься без папы, не говоря уж обо мне <...>” Я, конечно, усваиваю, но текст запоминаю намертво...»⁶⁹.

В воспоминаниях Булаховской есть образ дома Гудзия этого времени, его кабинета, о котором пишут многие мемуаристы, и портрет хозяина: «Я езжу к ним в гости на Трубниковский переулок 26, квартира 26, а это – нечто совершенно забытое, теплое, неповторимо-нетронутый домашний очаг <...> В квартире стоит запах кофе и диковинных цветов за кружевной шторой; на стенах висят картины (самых выдающихся художников, например, два чудесных “снежных” этюда Бенуа <...>). Самое же главное – книги: бесконечные ряды книг на деревянных полках (библиотека профессора Гудзия – одна из лучших в Москве), и я могу взять отсюда все, что захочу <...> в споре он может быть резок и несдержан, но когда кто-нибудь действительно расстроен или оказался в беде, он так ласково и проникновенно смотрит своими чудесными голубыми глазами на удивительно некрасивом лице, так заразительно смеется, что любой его собеседник “утешен”; всегда “утешен” и обратившийся к нему письменно за научным советом или же денежной помощью: будет ли это академик-приятель, академик-антагонист, сосед по квартире, я – дочь его друзей или же незнакомый ему студент-заочник»⁷⁰.

Таким Гудзий был до конца. Вот как о нем вспоминает литературный критик В. Я. Лакшин – ученик Гудзия в 50-е гг., участник его Толстовского семинара (кандидатская диссертация Лакшина называлась «Толстой и Чехов»):

«Особняком стоящий в памяти, неспособный ни с кем смешаться, потеряться в толпе лиц, он как-то разом возникает перед глазами – горячий, вспыльчивый, добросердечный, насмешливый, справедливый <...>

Ловкий, в безупречно сидевшем на нем костюме и при топорщащемся галстуке почтенный профессор легко двигался по подмосткам Коммунистической аудитории. Едва начав говорить, он нетерпеливо покидал кафедру и, обращаясь к своим слушателям, расхаживал по авансцене <...> Сюжеты житейной литературы, сказаний и апокрифов он передавал с редким изяществом, артистизмом <...>

Когда я думаю о том, что составляло тайну успеха Гудзия как учителя и наставника, так легко завоевывавшего авторитет, признание и нежную любовь у своих бесчисленных учеников, я не сразу нахожу объяснение этому. Обширнейшие познания? Тонкий литературный вкус? Педагогический опыт? Огромная филологическая культура? Да, да, но не только это.

Гудзий не поучал, не пестовал, еще менее натаскивал, и, наблюдая за нашими занятиями, можно было иной раз решить, что он слишком вольно держит поводья. <...> Казалось, что в его занятиях не было строгой системы, а его ученики не подводились силой к принятию той или иной доктрины, выдвинутой учителем. <...> уже на третьем курсе мы бредили доморощенными концепциями литературы <...> Гудзий же обращал наше внимание на то, что казалось нам тогда куда менее значительным – на текстологию, библиографию, творческую историю произведения <...>

Мы не вдруг оценили главное – превосходный моральный климат наших собраний. Начать с того, что здесь было забыто, где младшие, где старшие <...> Младшие тянулись за старшими, и общий уровень споров и обсуждений был действительно высок.

⁶⁹ Булаховская Ю. Л. В маленькой комнатенке-лодочке // Ренессанс. Киев, 1999. № 2 (24). С. 23 – 24. Стихи Ахматовой в статье даются в том виде, в каком они приведены по памяти мемуаристкой, с неточностями. В стихотворении «Птицы смерти в зените стоят...» (1941– 1942) строки «Отворите райскую дверь, / Помогите ему теперь» – из ранней редакции. Произведение было опубликовано только в 1961 г., в сб. «Стихотворения», с подцензурными заключительными строками: «Но безжалостна эта твердь. / И глядит из всех окон – смерть» (об этом в коммент. Н. В. Королевой в изд.: Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2, кн. 1. С. 409 – 411). Стихотворение «Лондонцам» («Двадцать четвертую драму Шекспира...») опублик. в сб. «Избранное», вышедшем в мае 1943 г. в Ташкенте (о выходе сб.: Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, с. 433). Стихотворение «С грозных ли площадей Ленинграда...» было опублик. в журнале «Ленинград» за 1944 г., № 10–11 (не ранее конца октября). Таким образом, из трех процитированных Булаховской стихотворений два на момент чтения их Гудзием опубликованы не были.

⁷⁰ Булаховская Ю. Л. В маленькой комнатенке-лодочке, с. 24 – 25.

Своими вопросами по ходу дела и заключительной речью Гудзий как будто лишь отбрасывал крайности, умерял страсти и не пропускал случая похвалить и ободрить студента <...>

<...> памятна и его исключительная отзывчивость, готовность помочь. Помогать, рекомендовать, “пристраивать” – было, казалось, любимым его занятием. <...> помогал безотказно»⁷¹.

А вот воспоминания слависта Жоржа Нива: «Я обязан Оксфорду не меньше, а то и больше, чем Сорбонне, но еще больше я обязан Московскому университету, несмотря на то, что двухгодичное пребывание в его стенах (в 1956 – 1957 и 1959 – 1960 годах) временами было для меня чрезвычайно мучительным. Я с благодарностью вспоминаю профессора Николая Гудзья и его толстовский семинар, увлекательные лекции о Пушкине (вдобавок с пространными экскурсами во фрейдизм и другие щекотливые темы) профессора Бонди в переполненных аудиториях <...> и Дувакина с его семинаром, посвященным творчеству Маяковского»; «Я посещал толстовский семинар Николая Каллиниковича; мы занимались у него дома, в роскошной квартире на улице Грановского <...> Позже, на первом крупном симпозиуме в итальянском Фонде Чини, посвященном Достоевскому, в котором приняла участие советская делегация, Гудзий рассказал Пьеру Паскалю в конфиденциальном разговоре, что он – верующий. Это был секрет, который следовало тщательно скрывать, но старику хотелось им поделиться. У меня остались приятные воспоминания об этом семинаре и личности старого академика. Своим рекомендательным письмом он помог мне избежать серьезных неприятностей, когда осенью 1956 года меня вместе с еще двумя французами вызвали к ректору

Петровскому; я до сих пор испытываю чувство торжества при мысли о том, как вытянулось лицо у парторга, когда я вручил это письмо ректору и тогдашнему декану (Самарину)»⁷².

Вероятно, возле Ахматовой в разные годы было немало молодежи, учившейся у Гудзья, но прежде всего надо назвать М. С. Петровых, слушавшую его на Высших государственных литературных курсах, на которые она поступила в 1925 г. А вместе с ней учились Арс. А. Тарковский (впоследствии друживший с Ахматовой) и поэтесса Ю. М. Нейман (познакомившаяся с Ахматовой через Марию Сергеевну). В своем очерке о Петровых Нейман вспоминает «прекрасного знатока древнерусской литературы и Льва Толстого – Николая Каллиниковича Гудзья, с которым, кстати сказать, Маруся позднее была дружна»⁷³. Много о Гудзье Ахматова наверняка знала со слов своей младшей подруги.

Тут стоит привести слова А. Г. Наймана, близко наблюдавшего Ахматову в общении с друзьями с конца 1959 г.: в доме Петровых «был определенный уклон к упоминанию имен <...> Суркова, Маршака, Гудзья, Фурцевой, убийцы из “Мосгаза” Ионисьяна...»⁷⁴. Этот весьма неоднородный перечень, показывающий актуальный, связанный со злобой дня характер разговоров, включает в себя Гудзья⁷⁵ – думается, прежде всего в связи с его гражданской позицией, с его, если так можно сказать, гражданским темпераментом.

«Н. К. Гудзий был по своей натуре борцом»⁷⁶ – и отстаивал не только научные идеи, которые считал верными, но и принципы порядочности, и, насколько это было в его силах, – людей, подвергавшихся травле. «Он был всегда на стороне обижаемых, – пишет Лихачев. – Он стремился к справедливости – в отношении живых и мертвых»⁷⁷.

⁷¹ Лакшин В. Я. В Толстовском семинаре Н. К. Гудзья // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзье, с. 88, 91–94.

⁷² Нива Ж. Подарок Георгия Георгиевича: жить русским языком // Знамя. 2009. № 2. С. 128, 131.

⁷³ Нейман Ю. Маруся // Петровых М. С. Черта горизонта: Стихи и переводы. Воспоминания о Марии Петровых. Ереван, 1986. С. 287.

В фонде Гудзья в ОР РГБ сохранились поздравительные телеграммы ему от М. С. Петровых, посланные по адресу: Москва, К-9, ул. Грановского, д. 4, кв. 10. Телеграмма от 31 декабря 1958 г.: «= ОТ ДУШИ ЖЕЛАЕМ ДОРОГОЙ НИКОЛАЙ КАЛЛИНИКОВИЧ ЧТОБЫ НОВЫЙ ГОД ДЛЯ ВАС И ВАШИХ БЛИЗКИХ БЫЛ СПОКОЙНЫМ И РАДОСТНЫМ = МАРИЯ АРИНА ПЕТРОВЫХ →» (ф. 7341/1, к. 35., ед. хр. 51, л. 1). От 31 декабря 1962 г.: «ОТ ВСЕЙ ДУШИ ЖЕЛАЮ ВАМ ДОРОГОЙ НИКОЛАЙ КАЛЛИНИКОВИЧ ЗДОРОВЬЯ СЧАСТЬЯ МОИ САМЫЕ ДОБРЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ ВАШИМ БЛИЗКИМ = МАРИЯ ПЕТРОВЫХ →» (ф. 731/II, к. 11, ед. хр. 22, л. 1). От 31 декабря 1963 г.: «= ДОРОГОЙ НИКОЛАЙ КАЛЛИНИКОВИЧ ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС ВАШУ СЕМЬЮ НОВЫМ ГОДОМ ЖЕЛАЕМ ЗДОРОВЬЯ И КАК МОЖНО БОЛЬШЕ РАДОСТИ = МАРИЯ АРИНА ПЕТРОВЫХ →» (ф. 7341/1, к. 35., ед. хр. 51, л. 2). Датировки – по почтовым штемпелям. Арина – Арина Витальевна Головачева (1937 – 2015), дочь М. С. Петровых, лингвист, переводчик.

А у М. С. Петровых, в свою очередь, хранились подаренные ей Гудзием книги с дарственными надписями: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под общ. ред. Н. К. Гудзья. Вступ. ст. В. Е. Гусева. Подгот. текста и коммент. Н. К. Гудзья и др. М., 1960, с надписью: «Дорогой Марии Сергеевне / с сердечным приветом и в искренней дружбе. / Н. Гудзий / 16 VII 60»; Гудзий Н. К. Лев Толстой. Критико-биографический очерк. Изд. 3-е, перераб. М., 1960, с надписью: «Дорогому моему другу / Марии Сергеевне Петровых / с очень большим расположением к ней. / Н. Гудзий / 11 III 61»; Гудзий Н. К. Пушкин. Критико-биографический очерк. Київ, 1949, с надписью: Дорогой Марии Сергеевне Петровых / от души и сердца. / Н. Гудзий / 5 VIII 62» (домашний «Московский музей Марии Петровых»).

⁷⁴ Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой, с. 71.

⁷⁵ К сожалению, Анатолий Генрихович не помнит, что именно говорилось о Гудзье.

⁷⁶ Гусев В. Е. Талант дружбы // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзье, с. 77.

⁷⁷ Лихачев Д. С. Впечатления от книги // Там же, с. 45.

«Мне пришлось быть аспирантом Николая Каллиниковича в 1946 – 1949 годы, – рассказывает В. В. Кусков. – Помню, как моя тема, связанная с изучением Степенной книги, и тема Н. Евреиновой, посвященная изучению духовного стиха, вызвала ожесточенные нападки. Тогда Николай Каллиникович публично выступил на заседании Ученого совета факультета, убедительно доказав правомерность и необходимость изучения этих тем древнерусской литературы.

Болезненно переживал Николай Каллиникович ту “разносную” критику, которой подвергались В. В. Виноградов, П. Г. Богатырев. Он смело и принципиально выступил в их защиту <...>

С исключительной принципиальностью, честностью Николай Каллиникович доказывал, что нельзя огульно охаивать А. Н. Веселовского. “Веселовский – говорил он, – гордость нашей отечественной филологии, и нельзя мазать его черной краской”⁷⁸.

В 1947 г. Гудзий был в числе восьми видных фольклористов, подписавших письмо в защиту К. М. Азадовского, когда в «Литературной газете» была опубликована статья В. М. Сидельникова «Против извращения и низкопоклонства в советской фольклористике». Все годы гонений на «космополитов» Гудзий старался помочь М. К. Азадовскому⁷⁹. Между тем, он и сам был в это время под подозрением⁸⁰.

Статья была направлена и против Ахматовой: «Анна Ахматова, – писал Сидельников, – <...> возводя пушкинскую “Сказку о золотом петушке” к западноевропейскому источнику, обвиняет великого русского писателя в том, что он “простонародностью” снизил лексику и все персонажи западноевропейского источника. Может

ли быть более яркий пример низкопоклонства перед иностранщиной! Лженаучную, в корне порочную “теорию” Ахматовой повторял на все лады ленинградский фольклорист М. К. Азадовский. Он возвел и другие сказки Пушкина к иностранным источникам, в частности к немецким»⁸¹. Защищая Азадовского от Сидельникова, чья статья «изобиловала принципиальными и фактическими ошибками»⁸², «подписанты» косвенно защищали и Ахматову. Прямая публичная защита ее вскоре после инициированного самим Сталиным Постановления от 14 августа 1946 г. была невозможна⁸³.

«От Либавы до Владивостока / Грозная анафема гремит»⁸⁴, – писала Ахматова об эхе Постановления, много лет раздававшемся по всей стране: в каждом коллективе должны были его обсуждать. В 1946 г. в «Известиях Академии наук СССР» был опубликован отчет о собрании по этому поводу научных сотрудников ИМЛИ, на котором произносились слова о «буржуазно-салонной поэтессе Ахматовой и пошляке и злопыхателе Зоценко», звучала критика в адрес ряда сотрудников ИМЛИ (особенно в адрес К. Л. Зелинского, «пропагандировавшего безыдейную лирику Анны Ахматовой»⁸⁵) и самокритика. Среди выступавших был и Гудзий, который «указывал, что современность должна быть близка каждому ученому, независимо от специальности. При изучении древней русской литературы часто допускаются искажения – необходимо раскрыть подлинно ценное, не забывать исторической перспективы»⁸⁶. Ни одного имени Гудзий не назвал.

В годы запрета Ахматовой в кабинете Николая Каллиниковича находилась ее фотография. Посе-

⁷⁸ Кусков В. В. На лекциях и в семинаре МИФЛИ // Там же, с. 62–63.

⁷⁹ Об этом: «Удастся ли прорубить эту стену...» (Из писем М. К. Азадовского к Н. К. Гудзю 1949–1950 гг.) / Публ. К. М. Азадовского // Русская литература. 2006. № 2.

⁸⁰ В период «борьбы с космополитизмом» на филологическом факультете МГУ «фигурами одиозными оказались П. Г. Богатырев, Н. К. Гудзий, С. М. Бонди, М. Н. Петерсон, Э. В. Померанцева и (далеко не в последнюю очередь) Г. Н. Поспелов, которого обличали и за апологию Веселовского, и за признание достоинств романа “Бесы”...» (Хализев В. Е. Отечественное литературоведение в эпоху господства марксизма-ленинизма (1930 – 1980-е годы) // Портал «Русская литература: Оригинальные исследования», <http://russian-literature.com/ru/research/ve-halizev-otchestvennoe-literaturovedenie-v-epohu-gospodstva-marksizma-leninizma-1930-1980-e-gody>).

⁸¹ Литературная газета. 1947. № 26. 29 июня. С. 3. В этом же номере газеты был опубликован доклад А. А. Фадеева на XI пленуме Правления ССП «Советская литература после Постановления ЦК ВКП (б) от 14 августа 1946 г. о журналах “Звезда” и “Ленинград”».

⁸² «Удастся ли прорубить эту стену...». Письмо было адресовано академику Г. Ф. Александрову – начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и главному редактору газеты “Культура и жизнь”, являвшейся печатным органом Управления.

⁸³ В указанной выше статье опубликован лишь фрагмент письма, однако от К. М. Азадовского нам известно, что Ахматова в письме ни разу не упомянута.

⁸⁴ Стихотворение «Анафема» (Ахматова А. А. Сочинения: В 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 247). Другой вариант этого текста см. в изд.: Записные книжки Анны Ахматовой, с. 166.

⁸⁵ Общее собрание научных сотрудников ИМЛИ им. Горького Академии наук СССР // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1946. Т. 5. Вып. 6. Воспроизв. в изд.: Анна Ахматова: Pro et contra, т. 2. СПб., 2005. Цит. по этому изд., с. 838.

⁸⁶ Там же, с. 841.

шавший в 1952 г. домашний семинар Гудзия по древнерусской литературе В. И. Зайцев вспоминает, как студенты расспрашивали руководителя: «“Николай Каллиникович, а вы были знакомы с Шахматовым? Расскажите о семинаре Перетца. Это фотография Ахматовой? Где прочесть об украинской школьной драме?” И т. п. И он щедро, без утайки делился с нами всем...»⁸⁷.

В оттепельные годы Гудзий использовал любую возможность, чтобы вернуть в науку поруганные имена ученых. «Вспомните его статьи о Тихонравове, Буслаеве, Веселовском и многих других: он не только изучал их – он заступался за них, – писал Лихачев. – Мы все помним и его замечательную статью “Забытые имена” в “Литературной газете”⁸⁸, где он стремился восстановить доброе имя русских ученых, А. Н. Веселовского в первую очередь»⁸⁹; «То, что он говорил, часто было самым обыкновенным. Но именно это обыкновенное, сказанное вовремя, действовало как выстрел»⁹⁰. Конечно, публикация в «Литературной газете» не прошла мимо Ахматовой⁹¹.

Последняя, предсмертная статья Гудзия – «Памяти учителя» – была посвящена реабилитации имени разжалованного академика

В. Н. Перетца, его значению в истории отечественной науки⁹².

Виноградов писал о Гудзии: «Это был русский интеллигент глубокой и непреклонной принципиальности. Никакие угрозы и давления не могли склонить его к компромиссам и сделкам со своей совестью. Он был выразителем чистой, продуманной, а часто и мучительно выстраданной правды. Его влияние на товарищей было плодотворным и облагораживающим»⁹³. Каково было писать эти строки главе советского языкознания, в прежние годы не раз гонимому, а незадолго до написания статьи памяти Гудзия участвовавшему в качестве эксперта со стороны обвинения в процессе А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля?

Гудзия называли «совестью советского литературоведения»⁹⁴. Совесть и память, как известно, едва ли не важнейшие для Ахматовой категории, особенно в творчестве советского времени. Потому, видимо, и удостоился Гудзий телеграммы, где она назвалась его современницей.

В архиве Ахматовой, в свою очередь, сохранились три телеграммы Николая Каллиниковича. Одна из них послана к 70-летию Ахматовой, 24 июня 1959 г.

ТЕЛЕГРАММА

ЛЕНИНГРАД КРАСНОЙ
КОННИЦЫ 4 КВ 3 АННЕ
АНДРЕЕВНЕ АХМАТОВОЙ =

МСК 272 МОСКВЫ 171 02 22
24 1 317=

= СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС БОЛЬШОГО ПОЭТА С ВАШИМ СЛАВНЫМ ЮБИЛЕЕМ
ЖЕЛАЮ ВСЯКОГО ДОБРА =

ГУДЗИЙ –⁹⁵

Другая телеграмма (записанная сотрудником почты – на бланке, но от руки) также послана

24 июня, год неизвестен (не ранее 1958-го, не позднее 1963-го)⁹⁶:

⁸⁷ Зайцев В. И. Требовательная доброта, с. 99.

⁸⁸ Литературная газета. 22 ноября 1956 г. № 139.

⁸⁹ Лихачев Д. С. О Н. К. Гудзии – человеке // Толстой и зарубежный мир. Кн. 2. М., 1965. (Литературное наследство. Т. 75). С. 561–562.

⁹⁰ Лихачев Д. С. Впечатления от книги, с. 45.

⁹¹ Ср. слова Ахматовой «о благородной статье» К. Г. Паустовского в «Известиях» от 27 октября 1962 г. в защиту романа Ю. В. Бондарева «Тишина», направленного против культа личности, и черновик телеграммы Паустовскому по этому поводу: «Глубоким волнением и радостью прочла Вашу замечательную статью “Известиях”. Благодарю Вас. Анна Ахматова» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой, т. 2, с. 536, 781–782).

⁹² Гудзий Н. К. Памяти учителя // Русская литература. 1965. № 4.

⁹³ Виноградов В. В. Научно-исследовательский путь Н. К. Гудзия, с. 8.

⁹⁴ Назаревский А. А. Из далекого и недавнего прошлого, с. 22 – 23; Лихачев Д. С. О Н. К. Гудзии – человеке, с. 561.

⁹⁵ ОР РНБ, ф. 1073 (фонд А. А. Ахматовой), ед. хр. 1491, л. 1. Телеграмма датируется по почтовому штемпелю.

⁹⁶ Приблизительная датировка дана благодаря указанию на Комарово, с помощью «Итинерария Анны Ахматовой» в изд.: Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой (1889 – 1966), с. 869–873.

ТЕЛЕГРАММА

Комарово Лен. обл.
ул. Осипенко дача
литфонда Анне
Андреевне Ахматовой

Москвы 8003
24 сл. 24-го 13 ч. 55 м.

Сердечное поздравление самые добрые пожелания дорогой Анне Андреевне, в день рождения шлет преданный

= Гудзий⁹⁷

Третья телеграмма отправлена вечером 23-го, получена утром 24 июня 1964 г:

ТЕЛЕГРАММА

= ЛЕНИНГРАД П-136
ЛЕНИНА 34 КВ 23
АННЕ АНДРЕЕВНЕ
АХМАТОВОЙ =

24-го 08 36

МОСКВЫ 1 1505 25 23 22 25

ТЕЛЕГРАММА

= СЛАВНОГО РУССКОГО ПОЭТА ДОРОГУЮ АННУ АНДРЕЕВНУ ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ШЛЮ САМЫЕ СЕРДЕЧНЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ = ГУДЗИЙ⁹⁸

В телеграммах сказано «самое обыкновенное» и слова значат ровно то, что должны значить.

В 1961 г., как уже упоминалось, имя Гудзия было включено в один из ахматовских списков «Кому дать книгу». Речь идет о сборнике «Стихотворения», вышедшем в апреле этого года⁹⁹.

12 января 1962 г. Гудзий надписал Ахматовой подготовленное им «Житие протопопа Аввакума»¹⁰⁰:

Дорогой
Анне Андреевне
Ахматовой
с чувством глубокого
почитания и
преданности
НикГудзий¹⁰¹
12.1.62

Это было переиздание 1960 г. Книга выходила неоднократно¹⁰² и продолжает выходить по сей день. До некоторой степени сам Гудзий

ассоциировался у современников с героем своих исследований: «...способность любить и прощать человека сочеталась в характере Николая Калли-

⁹⁷ ОР РНБ, ф. 1073, ед. хр. 1491, л. 2.

⁹⁸ Там же, л. 3. Датировка получения – по почтовому штемпелю.

⁹⁹ Возникает вопрос, где сейчас находится подаренная Ахматовой Гудзию книга и другие ахматовские издания, которые наверняка у него были. Переданное в Научную библиотеку МГУ по завещанию Гудзия книжное собрание (более 12 тыс. книг и более 2,5 тыс. оттисков) содержит большое количество сборников поэтов Серебряного века, включая сборники акмеистов, но ахматовских изданий среди них нет. Можно предположить, что они были отделены от этого собрания, остались в семье и след их затерялся.

¹⁰⁰ Впервые об этом упомянул Р. Д. Тименчик («Записные книжки» Анны Ахматовой. Из «Именного указателя». I, с. 231).

¹⁰¹ Так!

никовича с почти аввакумовской нетерпимостью, когда речь заходила о людях, чье поведение расходилось с его пониманием патриотизма, гражданственности, научной добросовестности»¹⁰³.

Есть свидетельство, относящееся, скорее всего, к 1962 – 1963 гг., что «Житие» стояло у Ахматовой на полке в квартире на ул. Ленина¹⁰⁴. Во время разговора об Аввакуме Ахматова передала издание А. Г. Найману¹⁰⁵.

Ахматова хорошо знала «Житие» с давних лет, но именно в 1962 г. – 9 августа – она написала стихотворение «Последнее роза», в котором была строка о сподвижнице протопопа Аввакума – боярыне Морозовой, чью героическую и трагическую судьбу она примерила на себя: «Мне с Морозовой класть поклоны...». Возможно, за строкой стоит не только картина В. И. Сурикова «Боярыня Морозова», но и сравнительно недавний подарок Гудзия, напомнивший ей об истории протопопа и шире – о русском старообрядчестве и расколе.

При этом известно, что основным толчком для появления стихотворения стал подаренный Ахматовой Д. В. Бобышевым в день рождения букет из пяти роз: «С этим букетом я преподнес ей стихотворение, в котором просил, чуть ли не требовал ответных стихов – не только для себя, но и для своих друзей-стихотворцев. И вскоре она одарила Бродского “Последней”, Наймана – “Небывшей”, а меня “Пятой розой”»¹⁰⁶. Е. Б. Рейну стихотворения не досталось, но Ахматова воспринимала четырех поэтов как группу и, по словам А. Г. Наймана, «однажды назвала нас “аввакумовцами” – за нежелание идти ни на какие уступки ради возможности опубликовать стихи и получить признание Союза писателей»¹⁰⁷.

В домашнем архиве Гудзия хранился машинописный экземпляр «Реквиема», открывающийся эпитафией, вписанным неустановленным лицом¹⁰⁸. Это «бродячий» эпитафия из «Улисса» Дж. Джойса: «You cannot leave your mother an orphan» («Ты не можешь оставить свою мать сиротой») ¹⁰⁹. «Реквием» был впервые целиком записан (напечатан на пишущей машинке) в начале декабря 1962 г., начал активно распространяться в списках в середине декабря¹¹⁰. Каким путем один из списков попал к Гудзию, длинной ли была цепочка, ведущая от Ахматовой, неизвестно.

В июне 1965 г., подтверждая их соединенность Пушкиным, Гудзий надписал Ахматовой отпечаток своей статьи «К вопросу о пушкинских текстах: (О посмертном издании сочинений Пушкина)»¹¹¹: «Дорогой Анне Андреевне Ахматовой сверх всего прочего первоклассному пушкинисту 27.6.65»¹¹².

А 29 октября 1965 г. Николая Гудзия не стало¹¹³. Меньше чем через пять месяцев не стало и Анны Ахматовой.

Как в начале исследования, так и в его конце мы не знаем ничего определенного об их встречах, кроме тех, что зафиксированы И. Н. Розановым. Возможно, киевлянам удастся выяснить, что именно стоит за словами Ахматовой «наши студенческие годы». Наверняка со временем обнаружатся дополнительные факты, уточняющие какие-то детали общения поэта и ученого. Пока же очевидно лишь, что и тогда, когда «Настоящий Двадцатый Век» еще не наступил, и тогда, когда «время костлявой рукой» писало «двадцать четвертую драму Шекспира», и позднее, в годы оттепели и слякоти, они были современниками в глубинном смысле этого слова.

¹⁰² Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под общ. ред. Н. К. Гудзия. Вступ. ст. В. Е. Гусева. Подгот. текста и коммент. Н. К. Гудзия и др. М., 1960. Впервые: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Ред., вступ. ст., и коммент. Н. К. Гудзия. М., 1934.

¹⁰³ Гусев В. Е. Талант дружбы, с. 76.

¹⁰⁴ Будыко М. И. Рассказы Ахматовой // Об Анне Ахматовой, с. 494.

¹⁰⁵ А. Г. Найман любезно сообщил нам текст дарственной надписи Гудзия, а также сведения об имеющихся в книге карандашных подчеркиваниях, возможно, ахматовских.

¹⁰⁶ Павлова С. Дмитрий Бобышев: портреты в лицах // Всемирный клуб одесситов: Альманах. № 48. https://odessitclub.org/publications/almanac/alm_48/alm_48_260_282.PDF.

¹⁰⁷ Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой, с. 73. Ср. ахматовские слова в черновике речи о Данте (1965): «... и пусть [его] тень с орлиным профилем укажет путь нашим юным поэтам (аввакумовцам)» (Записные книжки Анны Ахматовой, с. 679).

¹⁰⁸ ОР РГБ, ф. 731/1, к. 15, ед. хр. 10.

¹⁰⁹ Вслед за эпитафией из Джойса идут строки, обычно открывающие «Реквием»: «Нет, и не под чуждым небосводом...».

¹¹⁰ См.: Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, с. 720 – 721.

¹¹¹ Статья опубл. в коллективном сб.: Проблемы современной филологии. М., 1965.

¹¹² Тименчик Р. Д. «Записные книжки» Анны Ахматовой. Из «Именного указателя». I, с. 231. Оттиск хранится в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.

¹¹³ В фонде Гудзия в ОР РГБ хранится телеграмма М. С. Петровых, посланная 20 декабря 1965 г. сестре Николая Каллиниковича А. К. Гудзий по адресу: Москва, К-9, ул. Грановского, д. 4, кв. 78: «РОДНАЯ АННА КАЛЛИНИКОВНА ВСЕЙ ДУШОЙ Я С ВАМИ = МАРИЯ ПЕТРОВЫХ →» (ф. 731/II, к. 11, ед. хр. 22, л. 2). Хотя телеграмма послана значительно позднее, чем умер Гудзий, она явно связана с его смертью. Начиная с этого времени и по 1972 г. М. С. Петровых периодически пишет письма и посылает телеграммы Анне Каллиниковне (хранятся в ОР РГБ, там же).

«ЗГАДАЙТЕ... ВАШУ СУЧАСНИЦЮ...» АННА АХМАТОВА ТА МИКОЛА ГУДЗІЙ

Дослідження відповідає на питання, чому у вітальній телеграмі Миколі Гудзію Анна Ахматова назвала себе його сучасницею. Що пов'язувало цих двох людей, знайомих, судячи з телеграми, з київських студентських років, але зовсім не близько? Яким поставав для Ахматової Гудзій (1887 – 1965) – один із найвидатніших спеціалістів з давньоруської, української та російської літератур XIX-XX ст.? Чому його називали «совістю радянського літературознавства»? Яким було його ставлення до творчості та особистості Ахматової? Окрім чернетки ахматівської телеграми Гудзію з архіва поета й перекладачки Марії Петрових, у статті вперше опубліковано ще низку документів.

Ключові слова: Анна Ахматова, Микола Гудзій, Марія Петрових, Київ, поезія, літературознавство, телеграма, дарчий напис.

«...REMEMBER... YOUR CONTEMPORARY...»

ANNA AKHMATOVA AND NIKOLAY GUDZY

This study is to answer the question why in a greeting telegram sent to Nikolay Gudzy Anna Akhmatova identifies herself as his contemporary. What could connect these two people who had supposedly known each other since their university years in Kiev but were still far from being close friends? What was Akhmatova's impression of Gudzy (1887 – 1965), one of the best specialists in the Old Russian literature, Ukrainian literature and Russian literature of the XIX – XX centuries? Why was he nicknamed “the Conscience of the Soviet literary criticism”? What was his opinion about works by Akhmatova and her personality?

Along with the draft telegram to Gudzy being in storage at the Private Museum of Maria Petrovykh, Russian poet and translator, this article also contains some other newly discovered documents unknown to the public.

Key words: Anna Akhmatova, Nikolay Gudzy, Maria Petrovykh, Kiev, poetry, literary criticism, telegram, inscription.